

ИСТОЧНИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО СЕМЕЙНОГО ПРАВА: A POSSE AD ESSE NON VALET CONSEQUENTIA

Е.П. Войтович

Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Новосибирск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

16 августа 2022 г.

Дата принятия в печать –

20 июня 2023 г.

Дата онлайн-размещения –

20 сентября 2023 г.

Ключевые слова

Трансграничный семейный спор, коллизия, общепризнанные принципы и нормы, международный договор, международная организация, внутригосударственное право, обычай, практика

Определение состава источников международного семейного права недостаточно устоялось в российском законодательстве и юридической доктрине, нередко ошибочно трактуется в правоприменении. Предметом настоящего исследования выступают юридические формы выражения норм международного частного права с целью определения состава источников, призванных служить основой разрешения трансграничных семейных споров. Методология исследования представлена логическими приемами анализа и синтеза, а также научно-научными методами – формально-юридическим, сравнительного правоведения.

Делается вывод, что расширительный подход к источникам международного семейного права, предложенный доктриной и Верховным Судом РФ, не находит полного подтверждения в практике разрешения российскими судами семейных споров, осложненных иностранным элементом.

SOURCES OF INTERNATIONAL FAMILY LAW: A POSSE AD ESSE NON VALET CONSEQUENTIA

Elena P. Voytovich

Siberian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russia

Article info

Received –

2022 August 16

Accepted –

2023 June 20

Available online –

2023 September 20

Keywords

Cross-border family disputes, conflict of laws, generally recognized principles and norms, international treaties, international organizations, domestic law, custom, practice

The sources of international family law are not accurately defined in Russian legislation and legal doctrine, and are often misinterpreted in practice as well. The subject of this study, therefore, is the legal form of private international law norms, to determine the set of sources to be used to resolve cross-border family disputes in Russia. The research methodology adopted by the author includes the logical methods of analysis and synthesis, as well as formal, legal and comparative private scientific methods.

A logical result of insufficient attention to the sources of private international law is the persisting ambiguity in their composition, which has manifested into the analysis of the sources of international family law.

The author concludes that the broad understanding of private international law sources proposed by legal doctrines and the Supreme Court of the Russian Federation does not find full confirmation in resolving cross-border family disputes in practice.

Outdated regulation does not allow international treaties to maintain precedence in the system of sources. Despite the Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation on the procedure for its application, the use of international treaties has not become widespread in resolving cross-border family disputes by Russian courts.

The inconsistency of Russian legislation with the generally recognized principles and norms of international law has sparked academic discussion regarding their regulatory impact. This, however, did not prevent the highest court from referring to them as the sources of private international law for the Russian Federation. This study demonstrates the lack of convincing evidence for their use as a source of international family law.

Acts of international organizations, when provided in the form of an international treaty or regulation, can serve as a basis for resolving cross-border family disputes. Acts that do not

have a similar expression are not sources, but can influence the legislator due to their recommendatory nature.

The domestic legislation of the Russian Federation comprises a large number of Acts containing the norms of international family law. While agreeing with the idea of its codification as a whole, the author opines that it requires not only a thorough analysis of *de lege lata*, but also a balanced approach to *de lege ferenda*.

Customs recognized in the Russian Federation have the potential value of a source of international family law. However, at the same time, their use in resolving cross-border family disputes is not supported by empirical data.

Foreign law, including foreign customs, is the set of rules that can be applied in resolving disputes, subject to regulatory permission. They should be distinguished from the sources of law of the national legal system. Therefore, it is incorrect to consider them as sources of private international law of the Russian Federation.

1. Введение

Развитие исследований в области международного частного права – специфическая черта состояния юридической науки, отвечающая современным вызовам и демонстрирующая заметный интерес к изучению практических, нередко узких вопросов, в то время как базовые, общетеоретические остаются без должного внимания. Одним из них являются источники, в рассмотрении которых, по справедливому замечанию Л.П. Ануфриевой, сделанному почти тридцать лет назад, отсутствуют интенсивность, системность, комплексность и преемственность, увязка с достижениями других правовых наук, что не может не сказываться как на развитии теории международного частного права, так и на практической стороне дела при решении соответствующих вопросов международного сотрудничества [1, с. 60, 62].

Однако и сегодня в российской юридической науке существует явный недостаток подобных исследований. И хотя литература не обходит своим вниманием источники международного частного права, специальные работы по их отдельным видам по-прежнему немногочисленны [2]. Рассматриваемое явление также не находится в фокусе зарубежной науки, беглый обзор публикаций которой предварил настоящий анализ. И это на фоне увеличивающегося с каждым годом количества трансграничных споров, рассматриваемых российскими судами, где актуальным является не только вопрос о подлежащем применению праве, но и о том, какой из нескольких действующих источников содержит необходимые для разрешения дела нормы.

В этой связи проблематика «двойственности» источников международного частного права, соотно-

шения национальных и международных актов, столь привычная отечественным академическим исследованиям постсоветского периода, при несомненной ее важности, отходит на второй план. Ключевые вопросы, имеющие непосредственную практическую значимость для разрешения споров, осложненных иностранным элементом, требуют сегодня теоретического осмысления: каков нормативный состав источников международного частного права? выполняет ли международный договор роль доминирующей формы права? какие из внутригосударственных актов содержат нормы об определении компетентного права, а какие применяются для разрешения спора по существу? каково влияние правового обычая на регулирование трансграничных отношений?

Поводом для постановки этих вопросов стало принятие Пленумом Верховного Суда РФ Постановления от 9 июля 2019 г.¹ «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» (далее – Постановление № 24), ставшего важнейшим этапом формирования практики разрешения трансграничных споров в России. Вместе с тем данный документ продемонстрировал альтернативный концептуальный подход к источникам, разграничив применимые нормы и нормы об определении применимого права. Насколько обеспечивает такой подход единообразное применение права? Попытаемся дать ему оценку в контексте разрешения российскими судами трансграничных семейных споров.

Обращение к международному семейному праву обусловлено не столько увеличением объема нормативного материала, хотя указанный аспект несомненно требует тщательного анализа, сколько разнообразной судебной практикой, которая сигна-

¹ Российская газета. 2019. 17 июля.

лизирует об эффективности источников, их регулирующем воздействии, возможности отнесения к их числу тех юридических форм, применение которых в настоящих условиях вызывает обоснованные сомнения.

Последующее рассмотрение источников международного семейного права Российской Федерации будет соответствовать традиционному для отечественного международного частного права делению на международные и внутренние.

2. Международные источники

2.1. Общепризнанные принципы и нормы международного права

Как известно, формально-юридический подход к определению источников права позволяет отнести к их числу нормативный правовой акт, правовой обычай, судебный прецедент и нормативный договор [3, с. 219]. Общепризнанные принципы и нормы международного права качеств источника права в таком случае не приобретают, однако их регулятивные свойства не вызывают сомнений, что, по-видимому, и явилось причиной их отнесения к так называемым «нетипичным источникам» [4, с. 9]. «Особенностью принципов международного права является то, что они распространяют свое действие на всю сферу правового регулирования международных отношений, т. е. не только на международное публичное право, но и на транснациональное (включая международное частное) право и процесс», – справедливо отмечает Л.Н. Галенская [5, с. 55].

Рассматриваемая категория вызвала оживленную дискуссию среди специалистов отраслевых юридических наук [6; 7], к которой представители отечественного международного частного права не присоединились. Отнесение же Постановлением № 24 общепризнанных принципов и норм международного права к числу применимых норм, тем не менее, делает актуальным вопросом повестки междисциплинарных исследований их роль и значение, в чем коллизιονистам еще предстоит разобраться.

Необходимость применения общепризнанных принципов и норм при разрешении конкретных споров сомнений не вызывает. В то же время обзор судебной практики показывает, что суды крайне редко к ним обращаются [5, с. 56]. Возможно, причина в том, что правило п. 1 ст. 6 Семейного кодекса РФ воспроизводит положение ч. 4 ст. 15 Конституции РФ лишь частично, устанавливая в качестве общего

принципа приоритет норм международных договоров перед внутренним законодательством, в то время как п. 1 ст. 7 Гражданского кодекса РФ созвучен конституционной норме.

Складывается впечатление, что «легитимация» принципов и норм Гражданского кодекса РФ, который, как известно, может применяться для регулирования семейных отношений, в том числе трансграничного характера, Постановлением № 24 – дань правовой традиции введения в оборот категории, которая не дала каких-либо ощутимых результатов для доктрины и практики международного частного права. Представляется, что автоматическое распространение общепризнанных принципов и норм международного права на брачно-семейную сферу не более чем юридическая догма. Высказываемые в литературе сомнения лишь усиливают это впечатление. *Res judicata*, считает, например, Б. Старк, при установлении опеки в одном государстве может противоречить наилучшим интересам ребенка в другом [8, р. 8].

2.2. Международные договоры, акты международных организаций

Начиная с концепции международного частного права П. Манчини и принятия его идеи Институтом международного права в 1874–1875 гг., договоры стали рассматриваться в качестве наилучшего инструмента преодоления нежелательных различий между внутренними нормами [9, р. 122]. Ввиду этого коллизιονисты XIX и XX вв., стремясь к согласованию сферы действия национальных и иностранных законов, стали придавать огромное значение унификации, хотя ее несомненный успех всё чаще ставится под сомнение. В Европе, например, очевидную конкуренцию конвенциям составляют регламенты, количество которых с каждым годом возрастает [10, р. 504].

В России действует немало международных договоров, заключенных еще Советским Союзом. «Необходимо учитывать, – отмечает Н.И. Марышева, – что Россия с прекращением существования СССР продолжает осуществлять права и обязанности, предусмотренные такими договорами» [11, с. 24]. Большая часть этих договоров – соглашения о правовой помощи и правовых отношениях, которые содержат преимущественно общие коллизιονные положения²; незначителен удельный вес конвенций, содержащих материальные и процессуальные предписания.

² Сeroдня их насчитывается около 30, см.: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51926/8772a

a5e98ded670952c701d8a8faed2ab1f784e/ (дата обращения: 09.07.2022).

Оценивая применение договоров в качестве источника международного семейного права, необходимо отметить, что в современной российской практике суды отдают предпочтение иным формам, что делает международный договор недостаточно эффективным инструментом регулирования трансграничных семейных отношений [12]. Кроме того, обращает на себя внимание неполнота конвенционного регулирования, возможно, являющаяся следствием устаревания таких соглашений (большинство было принято в конце прошлого столетия), что требует активизации межгосударственного сотрудничества, возглавить которое на постсоветском пространстве могла бы Межпарламентская Ассамблея государств – членов СНГ.

Среди наиболее влиятельных международных организаций в рамках заданного статьей контекста такие, например, как ООН, Совет Европы, Гагская конференция по международному частному праву, Международная комиссия по гражданскому статусу и др.

Организацией Объединенных Наций (UN) подготовлено несколько конвенций, наиболее значительными среди которых являются Конвенция о взыскании алиментов за границей 1956 г., Конвенция о гражданстве замужней женщины 1957 г., Конвенция о согласии на вступление в брак, брачном возрасте и регистрации браков 1962 г., Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г., Конвенция о правах ребенка 1989 г.³

Более 40 лет работает над гармонизацией политики и принятием общих стандартов и практики в государствах-членах в области семейного права Совет Европы, который внес решающий вклад в укрепление правовой защиты семьи, разработав большое количество конвенций и резолюций по этому вопросу. Интенсификации исследований в области регулирования трансграничных семейных отношений уже не один год служат регламенты Европейского Союза и практика их применения. Они, с одной стороны, значительно обновили коллизионные подходы и упростили «оборот» судебных решений в государствах-членах при сохранении различий в регулировании семейных отношений, с другой, усложнили практику разрешения трансграничных споров.

Гагская конференция по международному частному праву (НССН) является постоянно действу-

ющей международной межправительственной организацией, конвенции в области семейного права которой являются одними из наиболее широко ратифицированных⁴.

Международная комиссия по гражданскому статусу (ICCS) призвана содействовать государствам в установлении, признании, проверке записей актов гражданского состояния или любых других видов официальных документов, используемых в качестве свидетельств о рождении, браке, разводе или смерти⁵. Российская Федерация имеет в ней статус наблюдателя. Результаты работы комиссии выразились в 34 конвенциях и протоколах, касающихся оборота документов о гражданском состоянии и сотрудничества между компетентными органами, а также гармонизации международного частного права в вопросах имен.

Комиссия по европейскому семейному праву (CEFL) собирает, анализирует и сравнивает подходы и решения в области семейного права стран европейской юрисдикции с целью разработки, не имеющих обязательной силы Принципов европейского семейного права⁶. При этом CEFL поддерживает усилия по реформированию, направленные на модернизацию национального семейного законодательства.

Обобщая вышеизложенную информацию о международных организациях и отдельных результатах их деятельности, необходимо отметить, что, во-первых, значение источника следует признать лишь за теми актами, которые имеют форму международного договора, регламента или иного юридического документа. Во-вторых, рекомендательные акты могут рассматриваться в качестве ориентира развития позитивного права или «гармонизирующего воздействия на национальное законодательство» [13, с. 55]. Разработке тех и других во многом способствуют представители академического сообщества, вовлеченные в деятельность аппаратов международных организаций, рабочих групп.

3. Национальное законодательство

Для национального регулирования трансграничных семейных отношений в Российской Федерации характерна множественность источников. При этом следует выделять те, что позволяют определять право, подлежащее применению, а также источники, необходимые для разрешения спора по существу.

³ См.: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/hr.shtml (дата обращения: 23.07.2022).

⁴ См.: URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions> (дата обращения: 23.07.2022).

⁵ См.: URL: <https://www.ciec1.org/> (дата обращения: 23.07.2022).

⁶ См.: URL: <http://ceflonline.net/principles/> (дата обращения: 25.07.2022).

Основу коллизионного регулирования в Российской Федерации составляет Семейный кодекс РФ (ст. 3), раздел VII «Применение семейного законодательства к семейным отношениям с участием иностранных граждан и лиц без гражданства» (ст. 156–167) которого предлагает наряду с собственно коллизионными предписаниями положения о признании, установлении содержания иностранного семейного права и публичном порядке. «Коллизионные нормы, включенные в Семейный кодекс РФ, представляют собой систему коллизионного регулирования брачно-семейных отношений, с одной стороны, обладающую автономностью по отношению к общей системе коллизионного регулирования различных видов частно-правовых отношений, а с другой – неотъемлемую часть коллизионного права Российской Федерации» [14, с. 14–15]. Несмотря на очевидный «коллизионный прорыв» по сравнению с Кодексом о браке и семье РСФСР 1969 г., действующий закон не закрепил цели и задачи нормативного регулирования международных семейных отношений, не легализовал понятие «иностранное право», в нем отсутствуют конструкции общих понятий международного частного права [15, с. 132], что делает актуальным его реформирование.

Нормы раздела VII Семейного кодекса РФ являются специальными, а потому имеют приоритет по отношению к общим коллизионным предписаниям Гражданского кодекса РФ (раздел VI). На указанное обстоятельство обращал внимание Верховный Суд РФ, который в гражданском деле по иску о признании права собственности указал: «суждения суда апелляционной инстанции о том, что при определении права, подлежащего применению к данным правоотношениям, необходимо руководствоваться российским законодательством, а именно положениями п. 1 ст. 1205... Гражданского кодекса РФ, несостоятельны, поскольку в данном случае спор вытекает из семейных правоотношений»⁷.

Положения раздела VI Гражданского кодекса РФ восполняют пробелы актов семейно-правового регулирования (ст. 4 Семейного кодекса РФ). Так, в Семейном кодексе РФ правило, аналогичное ст. 1192 Гражданского кодекса РФ, не закреплено. Однако Постановлением № 24 «легализовано» применение названной статьи к брачно-семейным отношениям, осложненным иностранным элементом [16, с. 16]. Примером таких норм, отмечает Пленум Верхов-

ного Суда РФ, являются положения российского законодательства, определяющие обстоятельства, препятствующие заключению брака иностранным гражданином на территории Российской Федерации (ст. 14, п. 2 ст. 156 Семейного кодекса РФ).

Принятие части третьей Гражданского кодекса РФ, активная работа по кодификации в ряде иностранных юрисдикций сопровождались доктринальной дискуссией российских правоведов о едином кодифицированном акте (законе или кодексе), содержащем необходимые нормы международного частного права [19]. В целом поддерживая эту идею, отметим, что сегодня она нуждается не только в тщательном анализе *de lege lata*, но и выверенном подходе к *de lege ferenda*.

В литературе высказывается суждение о включении в нормативный состав международного семейного права законов, содержащих материальные нормы и регулирующих частноправовые отношения в целом – например, Гражданского и Семейного кодексов РФ, применение положений которых может быть обусловлено выбором права посредством коллизионных предписаний [17, с. 46]. Не разделяя этой позиции, отметим, перефразируя Л.А. Лунца [18, с. 36], что указанный выше путь стирает границу между международным частным, гражданским и семейным правом, ведет к необоснованному расширению круга источников международного семейного права, неоправданному включению в их состав актов, которые подлежат применению в силу действия принципа национального режима и не содержат общих или специальных коллизионных предписаний.

Процессуальные нормы также составляют источниковую базу международного семейного права, что обусловлено содержанием международного частного права как отрасли отечественного правоведения [18, с. 37], традиционно включающей процессуальные положения, применимые к трансграничным семейным вопросам.

4. Обычай

Правовой обычай есть объективно сложившееся в результате неоднократного повторения правило общественного поведения, основанное на соображениях его целесообразности и полезности, которое признается государством в качестве источника права [4, с. 14]. Обычаи, признаваемые в России, являются источниками международного частного права.

⁷ Определение Верховного Суда РФ от 21 января 2014 г. № 78-КГ13-35 // СПС «КонсультантПлюс». Аналогичный подход см.: Апелляционное определение Московского го-

родского суда от 18 марта 2015 г. по делу N 33-8548/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

Очевидно, что под ними подразумеваются международные обычаи и обычаи национальной правовой системы. По поводу первых Л.А. Лунц замечал: «лишь по очень немногим вопросам коллизии законов можно опираться на международный обычай как источник права» [18, с. 116]. В практике получили относительно широкое применение обычаи международной торговли и торгового мореплавания, традиционно предлагаемые в качестве примера международного обычая [20, с. 73]. Правило ч. 3 ст. 16 Всеобщей декларации прав человека, по утверждению Дж. Адольф, стало международным обычным правом, поэтому все государства обязаны поощрять, защищать и отдавать предпочтение естественной семье перед так называемыми «новыми семейными формами» [21, р. 400–402].

Контекст п. 1 ст. 1186 Гражданского кодекса РФ указывает на способность обычая определять право, подлежащее применению. Вместе с тем еще Э. Рабель задавался вопросом о существовании международного коллизионного права, установленного обычаями в рамках международного сообщества государств. Рассмотрение правил о месте жительства, месте деликта, месте совершения акта навело автора на мысль о том, что эти правила, установленные статутами, являются национальными, и право народов никогда не было их источником [22, р. 44]. Иного взгляда придерживается Л.Н. Галенская, замечая, что подтверждением обычая может служить внутреннее законодательство, содержащее сходные правила (коллизионные нормы об определении применимого права) [3, с. 227].

Признание международного обычая источником международного частного права не вызывает сомнений, и практика международного коммерческого арбитража это уверенно подтверждает [23, с. 95–97]. Что же касается разрешения трансграничных семейных споров, то убедительных доказательств применения международного обычая, в том числе для определения применимого права, не предлагает ни доктрина, ни судебная практика.

Россия – мультикультурное общество, в котором идентичность и уникальность этносов может находить выражение в национальном обычае, под которым понимается сложившееся и широко применяемое в какой-либо области не предусмотренное законодательством правило поведения, независимо

от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе (ст. 5 Гражданского кодекса РФ). В Семейном кодексе РФ обычай в качестве источника не назван, хотя упоминание о нем имеется в ст. 58. Поскольку ст. 5 Семейного кодекса РФ не исключает возможности применения к семейным отношениям норм гражданского права по аналогии, то рассмотрение обычая, который, бесспорно, является формой выражения правовой нормы, в качестве источника семейного права возможно.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что в Российской Федерации национальный обычай потенциально может являться источником международного семейного права. Что же касается иностранных обычаев, то они, будучи источниками иностранного права, применимы в Российской Федерации (ч. 5 ст. 11 Гражданского процессуального кодекса РФ) в тех случаях, когда суд сочтет, что в рамках конкретного спора следует руководствоваться обычаем. Например, при решении вопроса о действительности брака, заключенного гражданкой Нигерии, российскому суду следует учитывать, что согласно обычаю йоруба вдова должна выйти замуж за младшего брата ее умершего мужа или другого близкого его родственника [24, р. 296].

5. Иностранное право

Отечественные исследования иностранного права связаны преимущественно не с контекстом источников, а установлением содержания иностранного права, что безусловно оправдано. В то же время проблема конкуренции применимых иностранных норм и коллизионных правил форума требует отдельного анализа. К сожалению, отечественная практика, иллюстрирующая ее, в доступных источниках не представлена, а вот иностранная имеет несомненный исследовательский интерес. В деле *Farah v. Farah* (1993 г.) брак по доверенности был признан недействительным [25, р. 504]. В недавнем решении Федеральный суд Германии, напротив, подтвердил действительность браков по доверенности, заключенных за границей, при условии, что они соответствуют формальным требованиям применимого иностранного права⁸.

Внутригосударственные нормы права других государств в числе источников международного частного права в ст. 1186 Гражданского кодекса РФ не называются. Их «реконструкция» произошла в

⁸ Решение Федерального суда Германии от 29 сентября 2021 г. по делу XII ZB 309/21, см.: URL: <https://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?>

Gericht=bgh&Art=en&Datum=Aktuell&Sort=12288&nr=124098&pos=18&anz=832 (дата обращения: 16.08.2022).

Постановлении пленума Верховного Суда РФ, разъяснившем судам необходимость применения при разрешении споров, осложненных иностранным элементом, иностранных норм, притом что ч. 5 ст. 11 Гражданского процессуального кодекса РФ устанавливает: «Суд в соответствии с федеральным законом или международным договором Российской Федерации при разрешении дел применяет нормы иностранного права»⁹, которые по смыслу данного положения представляют собой «правовые регуляторы общественных отношений» [7, с. 130]. Их следует отличать от источников права национальной правовой системы, поэтому отнесение иностранных норм Пленумом Верховного Суда РФ к числу форм существования норм международного частного права Российской Федерации следует трактовать в том смысле, что их материально-правовые (в большинстве случаев) и коллизионные (в качестве исключения – ст. 1190 Гражданского кодекса РФ) предписания могут являться правовой основой разрешения конкретного спора.

6. Выводы

Таким образом, закономерным итогом недостаточного внимания к проблематике источников международного частного права стали различия в подходах к их составу в российском законодательстве, правоприменении и доктрине, проявившиеся при рассмотрении источниковой базы международного семейного права.

Проведенный анализ показал, что следует различать источники международного частного права, содержащие правила о выборе применимого права, а также источники, применимые для разрешения споров, осложненных иностранным элементом.

Непоследовательность российского законодательства в отношении общепризнанных принципов и норм международного права привела к доктринальной дискуссии относительно их регулирующего воздействия, что, однако, не помешало высшей судебной инстанции отнести их к числу применимых норм.

Исследование продемонстрировало отсутствие убедительных доказательств их использования для разрешения трансграничных споров.

Устаревшее международно-правовое регулирование не позволяет договору сохранять лидерство в системе источников. Несмотря на детальные разъяснения Верховного Суда РФ о порядке его применения, использование этой формы не получило широкого распространения при разрешении трансграничных семейных споров российскими судами.

Акты международных организаций могут служить правоприменительной основой при условии их облечения в форму международного договора, регламента или другого юридического документа. Акты, не имеющие подобной формы выражения, источниками не являются, но способны оказывать воздействие на законодателя в силу их рекомендательного характера.

Внутригосударственное законодательство Российской Федерации представляет собой достаточно разнообразную палитру актов, содержащих нормы международного семейного права, позволяющие установить компетентный правопорядок, а также нормы, применимые для разрешения споров, осложненных иностранным элементом, по существу. В целом соглашаясь с идеей кодификации российского законодательства, нельзя не отметить, что она требует не только тщательного анализа *de lege lata*, но и выверенного подхода к *de lege ferenda*.

Значение источника имеют обычаи, признаваемые в Российской Федерации. В то же время их применение при разрешении трансграничных семейных споров не подтверждено эмпирическими данными.

Иностранное право, в том числе иностранные обычаи, как правила, которые могут применяться при разрешении споров в силу нормативного дозволения, следует отличать от источников права национальной правовой системы, поэтому их отнесение к числу источников международного частного права Российской Федерации некорректно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ануфриева Л. П. Об источниках международного частного права (некоторые вопросы теории) / Л. П. Ануфриева // Московский журнал международного права. – 1994. – № 4. – С. 60–74.
2. Вельяминов Г. М. Международные договоры в «международном частном праве» / Г. М. Вельяминов // Государство и право. – 2002. – № 8. – С. 77–82.

⁹ Редакция статьи не соответствует правилу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, устанавливающему приоритет норм международных договоров перед внутренним законодатель-

ством. Схожая формулировка ч. 5 ст. 13 Арбитражного процессуального кодекса РФ представляется более удачной.

3. Галенская Л. Н. Правовое регулирование транснациональных отношений / Л. Н. Галенская. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2022. – 316 с.
4. Петров К. В. Нетипичные источники российского права / К. В. Петров, В. А. Сапун, М. Г. Смирнова // Российский юридический журнал. – 2009. – № 1. – С. 7–16.
5. Галенская Л. Н. Применение принципов международного права в судебной практике // Российское правосудие. – 2018. – № 7 (147). – С. 52–60.
6. Ануфриева Л. П. *Enigma* российской Конституции 1993 года: «Общепризнанные принципы и нормы международного права» / Л. П. Ануфриева // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 3. – С. 4–25. – DOI: 10.17323/2072-8166.2019.3.4.25.
7. Нефедов Б. И. Пункт 4 статьи 15 Конституции России: проблемы теории и практики / Б. И. Нефедов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2008. – № 5 (280). – С. 122–133.
8. Stark B. International family law: an introduction / B. Stark. – London : Routledge, 2017. – 284 p.
9. Michaels R. Public and Private International Law: German views on Global Issues / R. Michaels // Journal of Private International Law. – 2008. – Vol. 4, iss. 1. – P. 121–138. – DOI: 10.1080/17536235.2008.11424336.
10. North P. Private International Law: Change or Decay? / P. North // International and Comparative Law Quarterly. – 2001. – Vol. 50, iss 3. – P. 477–508. – DOI: 10.1093/iclq/50.3.477.
11. Марышева Н. И. Семейные отношения с участием иностранцев: правовое регулирование в России / Н. И. Марышева. – М. : Волтерс Клувер, 2007. – 328 с.
12. Войтович Е. П. Разрешение трансграничных семейных споров в практике российских судов / Е. П. Войтович // Право и правоприменение в современной России : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Новосибирск, 2020. – С. 175–176.
13. Шахназаров Б. А. Современные тенденции развития международного частного права и его место в системе права / Б. А. Шахназаров // Lex Russica. – 2021. – Т. 74, № 7. – С. 44–60. – DOI: 10.17803/1729-5920.2021.176.7.044-060.
14. Федосеева Г. Ю. Брачно-семейные отношения как объект международного частного права Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Г. Ю. Федосеева. – М., 2007. – 50 с.
15. Гетьман-Павлова И. В. Коллизионное регулирование международных семейных отношений в Российской Федерации (законодательство и судебная практика) / И. В. Гетьман-Павлова, А. С. Касаткина // Государство и право. – 2021. – № 12. – С. 127–142. – DOI: 10.31857/S102694520017764-1. – (На англ. яз.).
16. Войтович Е. П. Нормы непосредственного применения в международном семейном праве // Международное публичное и частное право. – 2021. – № 3. – С. 13–16.
17. Савенко О. Е. Источники международного частного права в сфере правового регулирования трансграничных брачно-семейных отношений / О. Е. Савенко // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2018. – № 36. – С. 42–50.
18. Лунц Л. А. Курс международного частного права : в 3 т. / Л. А. Лунц. – М. : Спарк, 2002. – 1007 с.
19. Маковский А. Л. Кодификация гражданского права и развитие отечественного международного частного права / А. Л. Маковский // Кодификация российского частного права 2015 : сб. ст. / под ред. П. В. Крашенинникова. – М. : Статут, 2015. – С. 172–202.
20. Ерпылева Н. Ю. Международные организации и формирование источников международного частного права / Н. Ю. Ерпылева // Международное право и международные организации. – 2010. – № 3. – С. 56–75.
21. Adolphe J. Securing a Future for Children: The International Custom to Protect the Natural Family / J. Adolphe. – April 19, 2006. – 58 p. – DOI: 10.2139/ssrn.2113160.
22. Rabel E. The Conflict of Laws: A Comparative Study / E. Rabel. – 2nd ed. – Ann Arbor : University of Michigan Press, 1958. – Vol. 1. – 745 p.
23. Комаров А. С. К вопросу о праве, применимом к отношениям с иностранным элементом // Хозяйство и право. – 2022. – № 2. – С. 91–99.
24. Abdulmumini A. O. Judicial Practice in Islamic Family Law and Its Relation to 'Urf (Custom) in Northern Nigeria / A. O. Abdulmumini // Islamic Law and Society. – 2013. – Vol. 20, no. 3. – P. 272–318. – DOI: 10.1163/15685195-0011A0004.

25. Estin A. L. Toward a Multicultural Family Law / A. L. Estin // *Family Law Quarterly*. – 2004. – Vol. 38, no. 3. – P. 501–527.

REFERENCES

1. Anufrieva L.P. On the sources of private international law (some questions of theory). *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava* = *Moscow Journal of International Law*, 1994, no. 4, pp. 60–74. (In Russ.).
2. Velyaminov G.M. International treaties in «private international law». *Gosudarstvo i pravo* = *State and Law*, 2002, no. 8, pp. 77–82. (In Russ.).
3. Galenskaya L.N. *Legal regulation of transnational relations*. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2022. 316 p. (In Russ.).
4. Petrov K.V., Sapun V.A., Smirnova M.G. Non-typical sources of the Russian law. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* = *Russian Juridical Journal*, 2009, no. 1, pp. 7–16. (In Russ.).
5. Galenskaya L.N. Application of International Law Principles in Judicial Practice. *Rossiiskoe pravosudie* = *Russian Justice*, 2018, no. 7 (147), pp. 52–60. (In Russ.).
6. Anufrieva L.P. *Enigma of the Constitution of the Russian Federation 1993: "Generally Recognized Principles and Norms of International Law"*. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomikii* = *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2019, no. 3, pp. 4–25. DOI: 10.17323/2072-8166.2019.3.4.25. (In Russ.).
7. Nefedov B.I. Paragraph 4 of Article 15 of the Constitution of Russia: the problems of theory and practice. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie* = *Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, 2008, no. 5 (280), pp. 122–133. (In Russ.).
8. Stark B. *International family law: an introduction*. London, Routledge Publ., 2017. 284 p.
9. Michaels R. Public and Private International Law: German views on Global Issues. *Journal of Private International Law*, 2008, vol. 4, iss. 1, pp. 121–138. DOI: 10.1080/17536235.2008.11424336.
10. North P. Private International Law: Change or Decay?. *International and Comparative Law Quarterly*, 2001, vol. 50, iss. 3, pp. 477–508. DOI: 10.1093/iclq/50.3.477.
11. Marysheva N.I. *Family relations involving foreigners: legal regulation in Russia*. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2007. 328 p. (In Russ.).
12. Voytovich E.P. Deciding cross-border family disputes in Russian courts' practice, in: *Pravo i pravoprimenenie v sovremennoi Rossii*, Proceeding of Russian scientific and practical conference with international participation, Novosibirsk, Novosibirsk State University Publ., 2020, pp. 175–176. (In Russ.).
13. Shakhnazarov B.A. Modern Trends in the Development of Private International Law and its Place in the Legal System. *Lex Russica*. 2021, vol. 74, no. 7, pp. 44–60. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.176.7.044-060. (In Russ.).
14. Fedoseeva G.Yu. *Marriage and family relations as an object of private international law of the Russian Federation*, Doct. Diss. Thesis. Moscow, 2007. 50 p. (In Russ.).
15. Getman-Pavlova I.V., Kasatkina A.S. Conflict of laws regulation of the international family relations in the Russian Federation (legislation and jurisprudence). *Gosudarstvo i pravo* = *State and Law*, 2021, no. 12, pp. 127–142. DOI: 10.31857/S102694520017764-1. (In Russ.).
16. Voytovich E.P. Rules of direct application in International Family Law. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo* = *Public International and Private International Law*, 2021, no 3, pp. 13–16. (In Russ.).
17. Savenko O.E. The sources of private international law in the sphere of legal regulation of cross-border marriage and family relations. *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii*, 2018, no. 36, pp. 42–50. (In Russ.).
18. Lunts L.A. *Course of private international law*, in 3 volumes. Moscow, Spark Publ., 2002. 1007 p. (In Russ.).
19. Makovsky A.L. Codification of civil law and development of domestic private international law, in: Krasheninnikov P.V. (ed.). *Kodifikatsiya rossiiskogo chastnogo prava 2015*, collection of articles, Moscow, Statut Publ., 2015, pp. 172–202. (In Russ.).
20. Erpyleva N.Yu. International organizations and the formation of sources of private international law. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii* = *International Law and International Organizations*, 2010, no. 3, pp. 56–75. (In Russ.).

21. Adolphe J. *Securing a Future for Children: The International Custom to Protect the Natural Family*. April 15, 2006. 58 p. DOI: 10.2139/ssrn.2113160.
22. Rabel E. *The Conflict of Laws: A Comparative Study*, 2nd ed. Ann Arbor, University of Michigan Press, 1958. Vol. 1. 745 p.
23. Komarov A.S. On the question of the law applicable to relations with foreign element. *Khozyaistvo i pravo = Economy and Law*, 2022, no. 2, pp. 91–99. (In Russ.).
24. Abdulmumini A.O. Judicial Practice in Islamic Family Law and Its Relation to 'Urf (Custom) in Northern Nigeria. *Islamic Law and Society*, 2013, vol. 20, no. 3, pp. 272–318. DOI: 10.1163/15685195-0011A0004.
25. Estin A.L. Toward a Multicultural Family Law. *Family Law Quarterly*, 2004, vol. 38, no. 3, pp. 501–527.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Войтович Елена Павловна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса
Сибирский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
630102, Россия, г. Новосибирск, ул. Нижегород-
ская, 6
E-mail: voytovich-ep@ranepa.ru
ORCID: 0000-0002-4049-2770
ResearcherID: Y-9920-2019
SPIN-код РИНЦ: 4320-8209

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Elena P. Voytovich – PhD in Law, Associate Professor;
Head, Department of Civil Law and Procedure
Siberian Institute of Management – branch of the
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
6, Nizhegorodskaya ul., Novosibirsk, 630102, Russia
E-mail: voytovich-ep@ranepa.ru
ORCID: 0000-0002-4049-2770
ResearcherID: Y-9920-2019
RSCI SPIN-code: 4320-8209

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Войтович Е.П. Источники международного семейного права: а posse ad esse non valet consequentia / Е.П. Войтович // Правоприменение. – 2023. – Т. 7, № 3. – С. 155–164. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(3).155-164.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Voytovich E.P. Sources of international family law: a posse ad esse non valet consequentia. *Pravoprime-nenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 3, pp. 155–164. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(3).155-164. (In Russ.).